

Отто Клидерман

*Кто дал тебе
имя богини,
красавица муза?*

Отто Клидерман Кто дал тебе имя богини, красавица муза?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829249

ISBN 9785449076403

Аннотация

Муза Парфянская – реальное историческое лицо. Подарок Октавиана Августа парфянскому царю Фраату. Спустя тысячи лет к разрушенному дворцу в городе Ктесифон прибывают двое. Они любят друг друга, но скрывают свои чувства от всего мира. Что будет с их любовью и какое отношение к ним имеет царица из далёкого прошлого...

Содержание

Руины города Ктесифон. 1928 год	5
Греция. Салоники. 1970 год	18
Величественная римская империя. Рим. 20 год до н. э.	23
Дворец на холме «Палатин»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кто дал тебе имя богини, красавица муза?

Отто Клидерман

© Отто Клидерман, 2018

ISBN 978-5-4490-7640-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Руины города Ктесифон. 1928 год

Солнце было уже не в зените.

Оно медленно скатывалось с небосвода и его лучи теперь просачивались сквозь красивые руины белого дворца в городе Ктесифон.

Это теперь от него остались величественные развалины с неподражаемой аркой Хосрова и он пребывал в одиночестве, а когда-то это была столица великого Парфянского царства.

По вечерам тут было пустынно, если сюда и приезжают туристы, то только днём, а когда на город наступают сумерки он остаётся наедине с собой и тысячи духов, которые тут когда-то проживали свои жизни полные

всех радостей и горестей, что могут только сопровождать в мире каждого человека.

– Интересно! А какими они были? – Внезапно раздался звонкий голос незнакомки, да так, что её эхо пролетело сквозь стоящие тут стены и колонны.

Молодая женщина лет тридцати в зелёном костюме, скорее подходящим для охоты на дикого зверя и в огромной широкополой шляпе подняла голову кверху, смешно прищурившись, разглядывая дворец или вернее всё, что от него осталось.

Её можно было скорее назвать непрошенной гостей, чем незнакомкой.

Худенькая, высокая и с рыжими вьющимися длинными волосами, что выбивались из-под огромной шляпы.

– Ты о ком? – Послышался ещё один голос, правда уже мужской.

Нет. Вот какая непочтительность по отношению к этому месту!

Они явно неместные!

Что тут забыли два иностранца?

Молодой человек улыбнулся приближающейся женщине, на которой одежды охотника и вправленные штаны в высокие сапоги выглядели, мягко говоря, комично.

Вся одежда была на ней уж очень велика.

Другое дело на нём.

Мужчина лет сорока с прекрасным телосложением

выглядел в таком же стиле обличения, но уж точно не как охотник, а военный.

– Ну вот те, кто жили во дворце! Представляешь сколько там были интриг, политических заговоров, уловок, женской ревности.....у царя было много жён.

Она задумалась и на её прекрасном личике промелькнула тень какой-то грусти.

Мужчина тут же угадал её настрой.

– Они не могли себе позволить того, что можем позволить мы, дорогая Флоранс. Им приходилось мириться с множеством соперниц, убирать их с дороги, плести против них интриги, это была не жизнь, а ад. – В его голосе почему-то звучало такое безразличие, что его прекрасная спутница заметно вздрогнула.

– Жистен. А чем тогда наша жизнь рай? Мы вынуждены скрываться не только от всей Франции, но и от всего мира. Именно поэтому ты наврал своей титулованной жене невообразимую сказку, а я бросила свой университет, сославшись на придуманную болезнь, чтобы две недели провести в Богом забытом месте. И нигде ни будь, а в Иране. Даже не в каком—то комфортабельном отеле, а среди руин, которым даже не понятно сколько тысяч лет. А мой муж? Промышленник, известный человек не только во всей Франции, но и далеко за её пределами. Поверил ли он мне, что я одна из пас-

сажирок лайнера по Средиземному морю? Неужели ты полагаешь, что наши жизни заслуживают на то, чтобы сказать, что нам намного проще, нежели тем, кто сражался за достойное место под этими уже несуществующими сводами? Как бы не так! Мы такие же, как они. Ходим по лезвию ножа, безмерно вре́м, а у самих трясутся поджилки, а вдруг нас раскроют.....

Жистен отвёл глаза в сторону.

– Ты полагаешь, что у нас нет выхода.

– Есть, но мы не примем это решение. Мы тихо будем страдать, проливать горькие слёзы тайком, но не сможем переступить через разводы, скандалы, не позволим пошатнуться устоям, на которых прочно уже обосновались. Нам будет ни к чему общественная огласка, потеря полезных связей, и все прочие ненавистные нормы, которым мы вынуждены следовать, чтобы соответствовать той прослойке общества, к которым принадлежим. Вот и всё. – Флоранс Монморанси просто села на камень и обняв колени руками спрятала в них своё лицо. Она не любила показывать слёзы своему возлюбленному. Никогда не позволяла себе плакать, когда её кто-то мог видеть.

Жистен хранил завидное спокойствие. Странно, что он в этот момент не выдавал никаких эмоций.

– Значит я оказался сильнее тебя, потому, что перед отъездом встретился с моим адвокатом и передал

ему документы о разводе. Я больше не могу и не хочу быть заложником статусов, помпезных приёмов, как и не желаю рядом видеть больше Амалию, которой вот уже пятнадцать лет искривляю лицо в милой улыбке на всевозможных приёмах, изображая из себя заботливого и счастливого мужа.

Мужчина подошёл к женщине, спрятавшей лицо на своих коленях, подобно страусу, учуявшему опасность и положил ей руку на плечо.

– Я приехал сюда не для того, чтобы скрыться, а чтобы начать жизнь за ново, с тобой. Поэтому мы счастливее тех, кто однажды обитал под этими царственными сводами, потому что у нас есть право жить так, как мы хотим.

Флоранс подняла голову и посмотрела на него глазами, в котором читалось одно изумление.

– Мы можем прожить остаток своей жизни вместе впредь ни от кого не пряча наши чувства.

– Ты хочешь, чтобы я бросила вызов одному из влиятельных людей Европы? Мне легче исчезнуть среди этих разваливающихся дворцов нежели оставить на столе моего мужа документы о разводе. Я согласна провести жизнь рядом с тобой здесь, забыв дорогу домой, но не бросить тень позора на человека, у которого неограниченные возможности и слишком большие руки, чтобы сотворить невозможное.

Жистен крепко обнял свою возлюбленную и томно закрыл глаза.

В душе он понимал, что она права, однако внезапно Флоранс вздрогнула и тут же ослабла в его сильных руках.

Мужчина тут же подхватил её на руки, и со страху оглянулся. Она была бесчувственная и уже бездыханная.

Он тут же положил женщину на землю и стал её оглядывать, не понимая, что с ней произошло, пока не увидел маленькую ранку в боку – в неё кто-то выстрелил.

И вскоре стало понятно кто это был – принц Керим племянник иранского царя Реза Пехлеви.

Он подъехал на своём открытом красном амилькаре почти к самому Жистену и выйдя из машины демонстративно забросил винтовку на плечо с ужасающим безразличием бросив взгляд на лежащую рыжеволосую молодую женщину, опустившую веки.

Жистен тут же подорвался с корточек и подбежав к принцу со всей силы ударил его кулаком по лицу.

Керим каким-то чудным образом удержался на ногах, вытер кровь от побитой губы и даже сделал попытку улыбнуться.

– Ты прав. Я лишил тебя любви всей твоей жизни дружище, но теперь у тебя уже нет причины совершать необдуманные поступки, как и нет нужды продолжать

бракоразводный процесс, а твоя жена не против, если ты будешь тихонько в уголочке оплакивать свою Флоранс. Плачь, но продолжай криво улыбаться ещё пятнадцать лет Амалии. Кто против? – Пожал плечами ехидно он.

– А ты меня спросил хочу ли я быть с Амалией? Я хотел попросить убежища во дворце твоего дяди и провести хоть немного времени с Флоранс. А теперь мне нужно только одно. – И Жистен направил дуло ружья себе в грудь.

– Можешь выстрелить в меня тоже и похорони нас где-нибудь. Ради неё я готов был стать даже нищим, а теперь ради неё не хочу задержаться на этой земле ещё хотя бы на час. Давай. Стреляй.

Принц отвёл винтовку от «друга» и как-то бесшабашно бросил.

– Не дури. Я спас тебе репутацию, твоё имя....

– А чего ты так печёшься о моём имени? Что тебе с того что было бы со мной? Испарился бы я из высшего общества или нет? Какое было твоё дело до наших отношений? – Вскричал Жистен схватив принца за шиворот.

Неожиданно молодого человека осенило:

– Какой же я глупец! Ну конечно, этого не могло бы произойти без длинных рук мужа Флоранс! Что он тебе дал, что ты так легко лишил жизни человека и разрушил мою жизнь?

– Я скажу тебе правду после того, как мы уедем от-

сюда. Мне известно одно красивое место. Будучи ребёнком я как-то наткнулся на него, прячась от других детей. Это заброшенная гробница одной никому неизвестной царицы. Вот там ты и останешься вместе с Флоранс.

Не сказав ни слова Жистен подхватил на руки любимую, и они сев в машину поехали по одинокой дороге.

Автомобиль мчал довольно быстро, оставляя за собой просто столб пыли.

Молодой человек бросил какой-то безразличный взгляд на своего спутника, ведущего амилькар.

Его выражение лица не выдавало никакого сожаления, подобно ничему и не произошло, и на заднем сидении на покойлась голова бездыханной Флоранс на коленях её возлюбленного.....

Жистен потерял счёт времени.

Он не мог точно сказать сколько они так ехали, а когда машина оказалась между какими-то опять древними руинами – молодой человек грустно улыбнулся месту – тут они с его Флоранс обретут последнее пристанище.

– Ну вот мы и приехали. – С непонятым весельем осведомил «друга» принц. – Прошу. Тут не далеко.

Это были руины явно какого-то дворца, стены которого ещё покрывали каменные, витиеватые узоры, однажды выполненные искусными мастерами с помощью са-

мых примитивных инструментов.

Жистен подхватил на руки женщину и понёс её в след за принцем, который тут же стал быстро продвигаться по широким коридорам.

Далеко идти не пришлось.

Они вскоре оказались на огромной площадке, ещё залитой солнцем, пол которой повторял такие же великолепные узоры какие однажды мастера оставили на стенах.

– Тронный зал, однако до сих пор никто не знает какому царю он принадлежал. Сведений не сохранилось. Складывается впечатление, что возник он сам по себе.

Керим расставил руки и залюбовался покинутым и полуразрушенным дворцом опять при этом забросив мечтательно голову назад.

– Похоже убийство человека для тебя представляется чем-то обычным Керим, тем более что сейчас ты делаешь это опять. Тебе так легко спускать курок на живую особь? – Жистен не верил своим глазам, во что за год превратился его близкий «друг».

Принц посмотрел на него в упор.

– Ты должен видеть это место, что какой-то сумасшедший архитектор выбрал для моей незнакомки, которой не пойми сколько уже лет. – Принц явно был не в себе, так как совершенно оставался безразличен,

что только что стал причиной гибели женщины, с которой у него не было никаких личных счётов.

Этот худой и невысокий человек, в дорогом парадном костюме с совершенно уже седыми волосами тут же подошёл к каменному трону, стоящему у стены и повернув голову к Жистену воскликнул:

– Видишь место царя? Только лишь, когда ты сядешь на его трон и посмотришь с высока вниз ты увидишь, что каждый раз твои ноги становятся на какую-то надпись. Год назад я сделал слепок с написанного и показал нашему другу семьи, профессору античной истории – оказалось, что это имя и имя женское. Никто не знает чья это была воля ступить на название моей незнакомки и чем она так провинилась, либо же нарочно царь который занял её трон хотел унижить её...этого нам уже не узнать, однако то, что мне удалось обнаружить...– Принц подошёл к плите, на которой было написано имя властительницы и стал изрядно шаркать ногами, подобно вытирая подошвы своей обуви перед входом.....

– Вот только представь это! Новоиспечённый царь пытается осквернить имя царицы, он вытирает свои сандалии перед тронном на котором выбито имя

Неожиданно каменное строение накренилось назад, а расступившаяся на две стороны стена открыла взору скрытую от людских глаз залу.....трон тут же рухнул на землю, превратившись в ступени, ведущие к золотой

скульптуре сидящей на возвышении властной женщины.

– Именно царь, который осмелился осквернить её имя, долго не мог бы восседать и катился бы кубарем вниз и оказывался у ног хитрой правительницы.

Жистен с изумлением смотрел на своего друга, глаза которого горели лихорадочным огнём.

– Мы можем туда войти. Там полно золотых предме-

тов царицы. Это достойное место для Флоранс и тебя.

Жистен не верил всему, что происходило. Он с болью прислонился щекой к голове своей возлюбленной и пошёл в тайник неизвестной никому женщины.

Они спустились вниз – Керим и в правду был хорошо осведомлён что находилось в тайнике.

Просторная зала и в правду изобиловала золотыми предметами – вазами, большими креслами и столами, огромной колесницей, драгоценностями, просто оставленными в больших блюдах, и самой статуей, важно восседающей на троне, только вот убранство её, как и образ напоминали сидящую не как персидскую властительницу, а римлянку в простом открытом платье, которая даже после своей смерти могла заставить проявившего к ней неуважение рухнуть к её ногам.

Жистен осторожно положил свою возлюбленную на каменный стол, предварительно небрежно сбросив с него всю золотую посуду, которая покатила по залу с ужасным грохотом.

– Ещё одна особенность этой залы – здесь не нужен свет. Его источник неизвестен, однако в личных покоях царицы всегда светло. Тебе на самом деле не интересно как мне удалось всё это отыскать? Вероятно, тебе интереснее было бы узнать во сколько обошлось супругу твоей возлюбленной уговорить меня сделать это? В до-

вольню баснословную сумму – он погасил мои долговые обязательства за три года, которые возникли в следствии с моим пристрастием к азартным играм. Вчера мне вернули последнюю долговую расписку и запретили когда-либо садиться за игровой стол, так как мой спаситель откровенно ужаснулся проигранной сумме.

Жистен закрыл лицо руками, преодолевая нахлынувшую в мгновение ока злость.

Он опустился на колени перед столом, на котором лежала Флоранс, убрал с её лица рыжие локоны и нежно коснувшись губами её лба, как-то бесстрастно проронил:

– Теперь можешь выстрелить ещё раз, а после того отчитаться перед Полем де Монморанси за погашенные долги. Он будет даже рад, что ты перевыполнил порученное, убив и меня.....

В покоях царицы раздалось внезапно два выстрела.

Греция. Салоники. 1970 год

Молодой человек заметно нервничал, так как оставленное такси из-за возникших незначай пробок было не в состоянии продвинуться хотя бы на метр вперёд.

К месту назначения было совсем немного а к предстоящей встрече оставалось десять минут.

– Боюсь эта задержка на долго. – Тяжело вздохнул пожилой водитель, вытирая рукой мокрое от жары лицо.

– Я не могу ждать ни минуты более! – Нетерпение молодого человека тут же заставило его бросить на переднее сиденье плату за проезд и пулей выскочить из автомобиля.

Он перекинул через плечо сумку и что было духу побежал к условленному кафе под грозным названием «Минотавр»

К удивлению даже самого себя он прибыл на место на две минуты раньше, и стал тут же искать кого-то глазами, тяжело дыша и вытирая рукой мокрое от пота чело.

– И вот кто она из всех этих прохлаждающихся под зонтиками? – Зло буркнул он, оставаясь сам под палящим солнцем.

Неожиданно одна из молодых женщин в голубом платье слегка кивнула ему головой и жестом показала присесть рядом с ней за столик.

– А это ещё что за птица высокого полёта? Слава Богу что наш разговор будет недолгим, а после пусть улетает откуда и прилетела. Тоже мне аристократка. Ну ты посмотри на неё? Она снизошла до милости пригласить присесть рядом с ней. Снобы..... – Это всё молодой человек проговорил про себя, быстро подойдя к месту, где молодая девушка обосновалась и тут же машинально подал руку для приветствия.

– Здравствуйте. Я Ставро. А вы по всей видимости Беренис – приносящая победы.

Прекрасная молодая особа с каштановыми волосами и пронзительными карими глазами с неохотой подала руку молодому человеку, который стоял над ней в мокрой футболке и каких-то мятых шортах.

– Похвально, вы даже потрудились узнать, что в имени моём. – Она пыталась всячески скрыть свою надмен-

ность, но у неё плохо получалось играть роль дружелюбного человека.

– Я боялся не успеть, так как такси попало в пробку, пришлось применить в ход только свои ноги. – Ставро уселся на против, отбросив длинную чёлку со лба и тут же полез в сумку. Достал оттуда пожелтевший конверт, на котором не было ничего написано и извлёкши из него лист бумаги положил его перед своей собеседницей. – Вот это короткое письмо, в котором кто-то приносит извинения за свои деяния.

Беренис взяла в руки листок и осторожно развернула его.

– Нигде не указано, когда это было написано и кем, всего лишь некто повествует об ужасном преступлении, и то не говорит о каком именно и почему-то просит прощения у Жистена де Даммартена. Краткость – сестра таланта. А это не кто иной, как мой прадед, о котором говорить в нашей семье было строго воспрещено. Более того до сих пор никто не знает, что с ним произошло на самом деле. По скудным фразам моего деда он просто исчез. Уехал однажды в неизвестном направлении и больше о нём никогда, и никто не слышал. Откуда у вас это письмо?

– Если я скажу, что приобрёл его на блошином рынке вместе с коллекцией открыток вы в это поверите? Я не знаю, как оно попало среди старых и пахнущих плесе-

нью поздравительных. Если бы не имя вашего прадеда, то я бы не придавал этому значения, а просто выбросил бы его. Фамилия мне показалась интересной, и я решил выяснить кто же такие на самом деле Даммартены. Когда же я узнал, что это французские аристократы, то я решил сделать небольшой репортаж о находке в нашем журнале. Откуда же я мог знать, что это заставит вас сорваться с места и примчаться в Грецию, чтобы лично увидеть письмо?

– Перед прибытием сюда у меня было больше надежды узнать что-то значительное о нём. Увы, его исчезновение так и останется навсегда неразгаданной тайной, или же..... – Неожиданно девушка внимательно посмотрела на конверт и тут же повернула его и показала перед самым носом Ставро.

– Что вы видите на конверте?

– Это иранский царский символ, только что он делает на конверте?

– Вот именно. Это может стать маленькой нашей зацепкой.

– Вы полагаете ваш прадед мог иметь к этому какое-то отношение?

– Кроме нас самих нам этого не скажет никто. Сегодня же мы летим в Иран. – Решительно произнесла Беренис и положила конверт тут же себе в сумку.

– Мы? Простите, я к этому имею какое отношение? –

Тут же запротестовал Ставро.

*– От вас ваш пыльный офис в маленькой редакции
никуда не денется, а вы возможно станете свидетелем
большой сенсации. Решение за вами.*

**Величественная римская
империя. Рим. 20 год до н. э.**

Дворец на холме «Палатин»

В музыкальном салоне стояло подозрительное затишье

Ни один инструмент не издавал сегодня и звука.

И это при такой страстной любви императора к музыке?

Кто бы мог подумать, что хотя бы один день Октавиан Август мог обходиться без своих подданных, перебирающих струны.

Однако это было именно так.

Вместо пятёрки музыкантов в салоне находился господин дворца, сам император и задумчиво смотрел

на мозаику, выставленную чуть ли не по середине салона на деревянной подставке, что доставили по его приказу.

Это была не простая вещь, её привезли из парфянского царства и называли «живой».

Почему «живой»?

Да потому, что тот, кто «оживит» её будет считаться одним из самых умных, а таких вот уже более ста лет пока не нашлось.

Не разгадать эту загадку Август не мог.

Ему было с виду лет чуть больше сорока, высокий, плотный, с красивыми чертами лица, выразительными глазами, которые он всё время прищуривает. Коротко стриженные волосы уже совершенно посеребрила седина.

Это и не удивительно.

Только самым приближённым хорошо ведомо сколько часов в день ему приходится спать, а теперь на его лице читается какая-то печаль, о которой догадывается его секретарь, вольноотпущенник двадцати пятилетний иудей Корнелий.

Он, как и его господин пытаются разгадать тайну какого-то умудрённого мастера, однако видно, что император сегодня не внимателен.

Его что-то беспокоит и не даёт сосредоточиться.

*Оба смотрят на больших размеров картину из тыся-
чи кусочков и не могут понять в чём же её секрет.
Это всё посол из Парфии, пятидесятилетний кузен*

царя с именем Ашрот, хитро улыбаясь с поклонами вручил Августу подарок царя Фраата со словами:

– В этой картине скрыто будущее Парфсии, до селе никто не мог разгадать что же хотел сказать мудрый старец. Мой царь передал мозаику тебе Август в дар со словами, что будущее царства пусть остаётся в твоих руках.

Император только приподнял удивлённо бровь и снисходительно улыбнулся.

Парфянский царь предоставил ему то, чего разгадать ему не было под силу самому, пусть глупым выглядит римский император, кому он торжественно вручил неизвестное будущее своей империи.

Безусловно в противника была причина насмехаться над Римом, так как никто до селе не смог победить их.

53 год до н.э. битва при Каррах и полный разгром Марка Лициния Красса парфянами. Последнего уже павшего на поле боя приволокли к парфянскому генералу Сурена и тот приказал влить в горло римлянину расплавленное золото.

С тех пор попытки Рима как-то уязвить соперника носило скорее комический характер, нежели настоящее противостояние сильному противнику. Однако несмотря на это ни одна ни другая сторона не прекращала дипломатические переговоры, приёмы послов и внедрение в обе сильные империи шпионов.

Август чувствовал себя не очень хорошо.

Он смотрел на подарок посла и время от времени закрывал глаза хватаясь кончиками пальцев за переносицу.

Корнелий оставался стоять в стороне, не имея права заговорить с господином.

На картине изображён дворец, окружённый пальмами, цветами и водой.

В саду прогуливается царь, его жёны, дети и другая знать.

– Парфянский царь поторопился праздновать победу, заранее возведя великий Рим на место проигравших. – Внезапно голос молоденькой девушки заставил вздрогнуть как императора, так и его секретаря.

Ей было девятнадцать. Красивая, юная очень хрупкая на вид, вот только её пронзительный взгляд – большие глаза, в которых можно утонуть, и вот это лицо, говорящее, что перед тобой отнюдь не наивная девочка, она другая.....

Незнакомка не скромно одета – волосы собраны в большой хвост и закреплены на затылке, завитые в множество локонов. А одежда, а дорогие украшения.

Кто она?

Знатная патрицианка?

– На эту мозаику лучше всего посмотреть из дали. –

Её тон не терпит возражения.

Октавиан Август и его секретарь повинуются.

Они подошли к девушке и внимательно посмотрели на необычный подарок царя Фраата снова.

– И что? – Пытливый взгляд императора просто пронзил её насквозь.

Она резко подняла вверх указательный палец, жестом показывая подождать и подходит к мозаике.

Внезапно касается изображения осколка стрелы, который застрял острием в траве – стрела поддаётся быть вытащенной и её можно подвинуть вправо, как бы мысленно направляя на царскую семью.....

А потом произошло нечто невиданное – камешки мозаики стали смещаться подобно рассыпающемуся песку – привычная картина превращалась в полный хаос, исчезали изображения дворца, а потом на их месте внезапно стали вырастать пальмы.

Вскоре дворец стал появляться снова, только уже другой, он становился ещё краше, только больше не возникало возле него ни царя, ни его сопровождающих.

Жизнь продолжалась, но без ныне действующих персонажей. Что это?

– Этот парфянский мастер был гением и пророком в одном лице, только не мог заявить о том, что видел открыто. Иначе больше его никогда бы не посетили никакие ведения из-за отсутствия головы на плечах. – Па-

рировал император.

– Так царь Фраат вручил судьбу царства в руки Рима? Если бы он увидел то, что случилось с его подарком – он бы тысячи раз в этом раскаялся. – Раздался внезапно осмелевший голос, до этого мига, молчаливого секретаря.

– Кому суждено быть осколком стрелы и почему именно им, а не целой стрелой? – Задумалась девушка. – Это как бы противостоять не целым войском, а из-под тешка, подобно шпиону.

Император заметно вздрогнул и с изумлением посмотрел на гостью:

– Ты то, что случается в жизни каждого мужчины всего лишь раз! – Внезапно он почувствовал, как ему недостаёт дыхания и закрыл руками лицо.

Она посмотрела внимательно на секретаря и тот почему-то отвёл глаза в сторону.

В душе красавицы затаился какой-то непонятный страх.

– Я подарил тебе свободу и возвысил до положения патрицианки, дал всё, о чём может только мечтать любая женщина, в которую влюбился император.

Неожиданно он подошёл к низкому столику и взяв с него массивное золотое кольцо тут же обвинил его вокруг красивой шее девушки.

– Оно не достойно тебя, но всё же пусть красуется на твоей груди.

Гостья с изумлением посмотрела на императора:

– Когда ты принял решение пожертвовать мной? – В её голосе была сталь.

– Ты то, что случается в жизни мужчины только раз. – Повторил он снова.

– Когда император щедро одаривает, получивший должен расплатиться за его великодушие ценой жизни. Даже если его любовь велика – он никогда не поставит её выше империи. Ничего не говори, кроме того, что я хочу знать кому я отныне буду принадлежать и когда покину твой дворец.

Август не узнавал голоса своей возлюбленной.

– Я отдаю моему врагу самое дорогое, что у меня есть. – Почему сегодня голос самодержца подводил его?

– Ты так ненавидишь врага, что не остановишься ни перед чем только бы уязвить его самолюбие? И я гожусь на роль той самой, перед которой он не устоит?

– Даже если я владею всем миром увы не властен над собой. Никто кроме тебя не сможет покорить сердце Фраата. Он будет пленён тобой, как и я и бросит мир к твоим ногам, что принадлежит ему. И если моё сердце сейчас разрывается на тысячи кусков – я не могу по-

ступить иначе.

– Значит ты был пленён недостаточно, если владея миром всё же способен так просто отдать меня своему врагу, с которым я буду вынуждена делить его ложе.

Девушка томно закрыла глаза превозмогая нахлынувшие на неё чувства и внезапно холодно произнесла:

– Ты снова обратишь меня в рабыню и отправишь в качестве подарка, или же я поеду как знатная римлянка и стану принимать ухаживания этого неотёсанного дикаря?

Октавиан-Август заметно вздрогнул. Чего – чего а к такому вопросу он явно был не готов.

– Я обещаю сделать так, как ты пожелаешь. – Император уже не смотрел ей в глаза, так как понимал, ещё один взгляд на девушку, и он изменит своё решение.

– Я буду в числе свиты легата Тиберия, когда он отправиться в Парфию. Именно в качестве сестры его произойдёт моя встреча с царём на официальном приёме.

Император снова вздрогнул и тут же повернувшись остановил на возлюбленной какой-то странный взгляд, потом перевёл его на секретаря, тот как всегда опустил глаза.

– Ты заставляешь меня пожалеть всё большое и больше, что я хочу сделать тебя женой врага! Это что-то невыносимо! Почему ты такая? Почему ты способна мыслить так как не может этого сделать мужчина?

Ведь твоё желание гениально и в этом вся ты! Кто ты, дитя, присланное мне однажды в дар, и написавшее на хорошем латинском письмо, чтобы я научил тебя играть в шахматы!

– Больше ничего не имеет значения Октавиан. Ты выбрал не меня рядом с собой, а империю, которая могла и так обойтись без того, чтобы приносить меня в жертву.

На этом слове девушка повернулась и без оглядки важно покинула музыкальный салон, а вскоре и дворец императора.

Паланкин долго нёс её по римским улочками, пока они не очутились перед воротами одной красивой виллы, что тут же распахнула свои «объятия» для дорогой хозяйки.

Она достаточно выплакала слёз, уткнув лицо в мягкую ткань своей накидки, чтобы её не услышали извне рабы.

Закрытые занавески не выдавали её сгорбившегося тела, которое содрогалось в рыданиях.

Она должна стать сильнее, чтобы достойно уйти с арены возлюбленной Октавиана Августа и отправиться в край, что для неё чужой, но в котором она будет жить и возможно полюбит его.

Девушка уже утёрла щёки, чтобы предательские слё-

зы не остались на глазах и с каменным лицом предстала перед управляющим, который поднял плотную занавеску паланкина и подал руку, чтобы хозяйка смогла выбраться наружу.

– Ты задержалась Эстела. Мы ожидали тебя к ужину. – Уже немолодой человек с лицом, на котором никогда невозможно было прочесть никаких эмоций так и не отпустил её пальцев, подобно боялся, что она сейчас не должна переступить порог виллы, два года назад подаренной ей императором.

– Я не голодна. Прикажи приготовить мне горячую воду, а Лицыния пусть согреет молока. – Проронила она сухо.

– Ты должна будешь отужинать, госпожа. У нас гость и ему есть что тебе сказать. Это легат Тиберий, с которым ты отправишься в Парфию, как его сестра.

Эстела с изумлением посмотрела на своего управляющего.

Такого услышать она точно не ожидала.

– Ты говорил с императором? – Девушке с трудом удавалось сохранять самообладание.

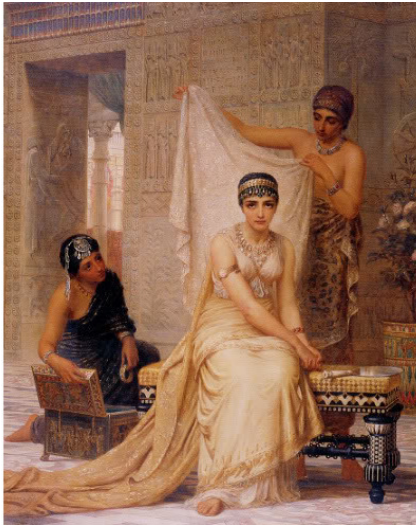
– Император не удостоил меня чести поговорить со мной лично. Он передал мне указания письменно, однако сделал и это не собственной рукой, а через секретаря. – И он подал папирус хозяйке.

Эстела развернула его и быстро пробежавшись глаза-

ми по написанному перевела тут же взгляд на вечно каменное лицо старого управляющего:

– Мы отправимся в дорогу спустя неделю?

– По-видимому император торопиться моя госпожа. Сегодня прислали тебе много золота и новых платьев. Октавиан Август не поскупился ни на что. Складывается впечатление, что ты будешь не сестрой Тиберия, а дочерью самого императора.

Она свернула письмо и дерзко вложив его в руки управляющего громко произнесла:

– Пусть мне приготовят горячую воду, я хочу иску-

паться, и пусть согреют молока! А после всего этого я буду спать два дня, и никто не вправе меня беспокоить, даже если это будет, и сам император! Ни для кого меня нет!

Старик согласно кивнул головой.

– Император не будет беспокоить тебя моя госпожа. Он уезжает сегодня ночью в Испанию по неотложных делах. В этот день вы виделись с ним в последний раз. Он уважает твое решение поэтому распорядился относиться к твоим желаниям всю неделю подобно их приказал он сам.

Это было сродни звонкой пощёчине.

Октавиан Август позорно бежит, чтобы больше не встречаться с ней. Он одаривает её так как не одаривал ни одну женщину на свете, а слуги должны просто стелиться перед ней, только бы она уехала, лишь бы стала принадлежать другому. Ох как легко он отрекается от неё!

Девушка вошла в салон и бросила небрежный взгляд на тут же поднявшегося с кресла для приветствия легата Тиберия.

Высокий, молодой, довольно привлекательный человек даже сделал подобие улыбки на своём лице.

– Мне стала известна новость о вашем предложении стать моей сестрой только два часа назад, Эстела. – Взволнованно пролепетал он.

Хозяйка дома сделала ему знак присесть обратно в кресло.

– Это лучшее, что можно желать в вашей ситуации Тиберий. Вы имели косвенное отношение к заговору против императора. Вам было известно имя заговорщика, но вы хранили молчание, дав повод сделать покушение на Октавиана Августа. Это не принесло вам наказания, как понесли его другие, однако вам поручена очень опасная миссия, потому, как вас отправляют легатом в Парфию. Но моё желание отправиться с вами не как рабыня, любовница императора, а как сестра легата во многом меняет ваше положение. У вас есть большие шансов выстоять в непростой миссии. Императору не интересно как вы выкрутитесь, он решил поквитаться с вами таким образом. Но когда я буду принимать ухаживания Фраата, то как ваша «родственница» могу влиять на царя в пользу «родного брата».

Тиберию явно стало не по себе.

В один момент он почувствовал, что ему не хватает воздуха и хозяйка дома, всё время смотрящая на него в упор тут же сделала знак прислуге принести ему кубок воды.

– Императору больше не интересно что с нами будет, а вот нам нужно выжить.

Тиберий залпом осушил кубок и когда его отпустил спазм тут же проронил.

– Как он узнал, что мне было известно имя заговорщика?

Девушка только пожала плечами.

– Разве есть что-либо, что не было бы известно Риму? Теперь это уже не имеет значения. Нам предстоит не только добратся до вражеского государства, но и выстоять. Я вижу у вас даже поджилки трясутся. Придите в себя. Вы же столько лет на должности легата, Тиберий. Неужели так испугались обычной опасности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.